

УЧАСТИЕ КУРДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ИРАКЕ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ РЕЖИМА С. ХУСЕЙНА

С. С. Шакле

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 января 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению участия курдов в политической жизни Ирака в период после свержения режима С. Хусейна, установления временной американской администрации и принятия новой конституции. Делается вывод, что несмотря на активную борьбу за свои права, курды не смогли полностью реализовать идею собственной автономии.*

Ключевые слова: *курды, Ирак, американское вторжение в Ирак, политика.*

Abstract: *the article is devoted to the consideration of Kurdish participation in the political life of Iraq in the period after the overthrow of the regime of S. Hussein, the establishment of an interim American administration and the adoption of a new constitution. Despite an active struggle for their rights, the Kurds failed to realize the full idea of their national autonomy.*

Key words: *Kurds, Iraq, invasion in Iraq, politics.*

Первейшей заботой лидеров курдского национально-освободительного движения сразу после свержения США и их союзниками режима С. Хусейна стало разрешение вопроса о федеративном устройстве Ирака. Курдскими представителями Управляющего совета Ирака был предложен законопроект, в соответствии с которым планировался транзит власти от оккупационной администрации к временному правительству. Подразумевалось, что данное правительство должно быть создано до конца июня 2004 г., выборы, в свою очередь, планировалось провести до конца 2005 г. [1, с. 36]. Примечательной чертой данной инициативы было наличие проекта расширенной автономии Иракского Курдистана: речь шла не только о территориях, подконтрольных на момент, предшествовавший международному вторжению Патриотического союза Курдистана и Демократической партии Курдистана, но также Киркуке и части провинций Диала и Ниневия [2]. Мотивировалось это обстоятельством демографического доминирования курдов в означенных провинциях. Также следует отметить, что именно Киркук – столицу одноименной богатейшей нефтеносной провинции северного Ирака – планировалось сделать новой, единой столицей всего Иракского Курдистана.

В свою очередь, переговоры о послевоенном устройстве Ирака велись, с одной стороны, М. Барзани и Дж. Талабани, а с другой – представителем американской гражданской администрации П. Бремером и его заместителем Дж. Гринстоком (Великобритания). Речь шла о создании объединенного

правительства Иракского Курдистана, передаче полномочий временному правительству, а также о территориальном расширении курдской автономии в составе нового Ирака, организация которого, в свою очередь, изначально планировалась не на унитарных (как это было во времена С. Хусейна и прежде), а на федеративных началах. Фактически речь шла о предоставлении Иракскому Курдистану статуса субъекта федерации, однако позднее позиция США (находившейся на тот момент у власти администрации Дж. Буша) была скорректирована. Можно предположить, что сделано это было из соображений недопущения сепаратизма южных окраин Ирака – представленных богатыми нефтеносными провинциями, населенными арабами-шиитами (составляющими к тому же большинство населения страны). И хотя нигде в официальных документах речь не шла об отказе от этнонационального принципа возможного будущего иракского федерализма [3, с. 73], с чисто формальной точки зрения такая позиция США увязывалась с необходимостью передачи Ираку самоуправления до 30 июня 2004 г. [1, с. 36]. Тем самым Иракский Курдистан оставался в прежних своих границах (равно как без какого-либо «углубления» своего автономного статуса).

Тем временем антиамериканские настроения в иракском обществе нарастали, поэтому было принято решение о принятии временной конституции Ирака, призванной смягчить транзит власти в переходный период. Не желая утрачивать инициативы, курды также выступили со своими предложениями, получившими название «Проект региональной конституции Курдистана». Данный документ включал в себя шесть пунктов, отражавших наиболее значимые реалии автономного региона.

Во-первых, Иракский Курдистан провозглашался «самоуправляющимся регионом с самостоятельной законодательной, судебной и исполнительной властью».

Во-вторых, фиксировалось, что автономный регион включает в себя провинции Ниневия, Дохук, Эрбиль, Киркук, Сулеймания и Диала.

В-третьих, сохранялись военизированные формирования пешмерга, не входящие в состав иракской армии (и де-факто неподотчетные центральному правительству в Багдаде).

В-четвертых, провозглашался «приоритет курдов над использованием природных ресурсов самоуправляющегося региона».

В-пятых, фиксировалось, что «временная конституция будет работать на территории Иракского Курдистана, если ее одобрит большинство населения путем референдума».

В-шестых, отмечалось, что данный законопроект – в случае его принятия – будет действовать на протяжении переходного периода, пока новое федеральное правительство не будет сформировано [4, с. 295].

К числу других требований курдов также следует отнести пункты о необходимости сохранения светского характера власти автономии, а также свободе от исполнения постановлений центрального правительства под предлогом того, что истоком своим они имеют исламское право [1, с. 37]. Как прямое следствие этого, курды предпочли бы иметь собственную судебную систему, а также возможность собирать налоги с добычи и транзита нефти двух крупнейших нефтеносных месторождений – Ханакина и Киркука [3, с. 71]. Проблема осложнялась тем, что американцы не признавали означенные территории в качестве исконно курдских и, как следствие, не поддерживали курдские притязания на них.

В конечном итоге реакция на все эти предложения оказалась негативной, притом не только со стороны арабов (как суннитов, так и шиитов), но и представителей администрации Дж. Буша. По мнению американских советников, означенные требования были слишком радикальными, и они не могли их поддержать, коль скоро были заинтересованы в стабилизации послевоенного Ирака за счет достижения определенного внутрииракского общественного консенсуса, компромисса. Наибольшие опасения вызвали требования сохранения вооруженных, военизированных формирований обеих ведущих курдских партий в качестве автономных, де-факто подчиняющихся лишь лидерам своих кланов. Представители Госдепартамента видели в этом угрозу создания аналогичных вооруженных формирований на юге Ирака, все предпосылки к чему, по их мнению, уже существовали. Так, в частности, шиитская милиция юга стра-

ны насчитывала на тот момент уже порядка 10 тыс. человек (будучи подконтрольной при этом Высшему совету исламской революции Ирака) [1, с. 37]. Все это не могло не вызывать настороженности представителей американской дипломатической миссии. Что касается арабов, то они рассматривали требования курдов как просто подрывающие целостность страны. Так, в частности, арабы-шииты и впредь планировали занимать – вследствие своего демографического преобладания в стране в целом – доминирующие позиции в федеральном правительстве; курдский «сепаратизм», в свою очередь, подрывал устойчивость всей системы власти в стране, и они не могли этого допустить. Страна только начала подниматься из руин после интервенции со стороны США и Великобритании, малейшее противоречие могло привести, по их мысли, к обрушению всей хрупкой конструкции.

Однако позиция курдских парламентариев была не менее бескомпромиссной. Так, в частности, Дж. Талабани было заявлено, что жесткость положений законопроекта этнонационального партикуляризма обусловлена не персональными амбициями курдских лидеров, а тем обстоятельством, что незадолго до этого был организован сбор подписей за проведение референдума о полной независимости Иракского Курдистана, охватившего два миллиона человек [5]. Тем самым руководители ведущих курдских партий заявили о своем отказе идти на поводу у американской стороны, опираясь при этом на волеизъявление собственного народа. Однако в конечном итоге изначальный проект временной конституции, подразумевавший исполнение вышеозначенных требований курдов, оказался провален арабами-шиитами (под предлогом несогласия с якобы ущемленной в ней роли ислама). Курды, со своей стороны, выступали за то, чтобы власть в Ираке была в наибольшей степени обособлена от религии (позиция арабов-шиитов была диаметрально противоположной).

В конечном итоге 8 марта 2004 г. Временным управляющим советом Ирака была принята Временная конституция, призванная регламентировать переходный период в жизни страны вплоть до 1 января 2006 г. В соответствии с данной Конституцией новая система управления должна была стать «республиканской, федеративной, демократической и плюралистической» [1, с. 38–39]. Ислам становился основой национального законодательства, армия подчинялась гражданскому руководству. С точки зрения данного исследования отметим, что правительство Иракского Курдистана официально признавалось в качестве регионального на общеиракском уровне. В свою очередь, курдский язык признавался одним из официальных языков страны (наравне с арабским). До 1 января 2006 г. планировалось проведение выборов

в провинциальные советы и Курдскую национальную ассамблею. Данный законопроект носил рамочный характер. Как было заявлено государственным секретарем К. Пауэллом, «США предоставляют возможность иракцам самим решать свою судьбу» [4, с. 297]. Подразумевалось, что Иракский Курдистан остается в составе Ирака. Вышеописанные инициативы, нацеленные на расширение и упрочение курдской автономии, не нашли поддержки в лице США, сосредоточенных на смягчении внутрииракских противоречий, соблюдении союзнических обязательств перед Турцией (прежде всего как страной – членом НАТО), а также предстоящих выборах в США. Таким образом, можно сказать, что США отказали иракским курдам в легитимности их претензий на расширение их автономии: будь то с территориальной точки зрения (Куркук) или в плане получения больших полномочий от центрального правительства в Багдаде. В свою очередь, такие вопросы, как возвращение насильно выселенных из Киркука во времена С. Хусейна курдов, остались без ответа [1, с. 51]. Всякая попытка подступиться к разрешению данного вопроса наталкивалась на множественные трудности (в том числе финансовые).

В 84-й статье Временной конституции утверждалось, что «Национальная ассамблея Курдистана может вносить поправки к любому федеральному закону на курдской территории с оговоркой, что эти поправки не должны затрагивать сферы, находящиеся в компетенции федеральных властей, к которым относятся внешняя, монетарная и финансовая политика, национальная безопасность и управление природными ресурсами» [4, с. 299]. За курдскими политическими группировками сохранялось право создания вооруженных формирований (пешмерга). Вместе с тем такие краеугольные вопросы существования автономии, как определение ее границ, оставались предметом споров. Не меньшую дискуссию вызывал вопрос о том, из какого принципа следует исходить при перераспределении долей доходов от природной ренты (экспорта нефти с месторождения Киркук) [6, с. 22]. Вопросы о таможенных сборах тоже выносились за скобки существующих договоренностей, становясь тем самым де-факто предметами отдельных договоров и соглашений.

Необходимо отметить, что будущее иракской автономии связывалось многими курдами с участием международного сообщества в разрешении этого вопроса. Однако принятая 8 июня 2004 г. Резолюция 1546 Совета Безопасности ООН не предоставляла никаких гарантий существования курдской автономии [7]. Фактически имелось в виду, что «курдский вопрос» представляет собой вопрос внутренней политики Ирака, как следствие этого – политической борьбы внутри этого государства, а не на региональ-

ном уровне. В свою очередь, 24 июня 2004 г. американские представители передали новому иракскому президенту всю полноту полномочий. В истории страны – а с ней и борьбы курдов за свои права – начался новый этап.

Таким образом, можно сделать вывод, что в период оккупационной администрации у курдов – фактически впервые за все время существования Ирака как независимого государства – появилась реальная возможность легального участия в определении собственного будущего. Это касалось не столько возможности выхода из состава Ирака, сколько возможности оказывать легальное, политическое влияние, осуществлять участие в политическом процессе на общеиракском уровне. Ни о чем подобном в период нахождения у власти, например, С. Хусейна и партии арабского социалистического возрождения «Баас» не могло быть и речи. Иное дело, что и после этого совокупные силы курдов оставались в меньшинстве – наедине с собственными интересами – в то время как все остальные акторы, субъекты иракской политики преследовали собственные интересы. Также следует иметь в виду расчеты и интересы внешних игроков (как регионального, так и глобального уровня). Однако перспективы построения нового иракского общества и новой политической системы давали курдам в означенный исторический момент надежды на обретение более светлого будущего [8].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что претензии курдов на обретение полноценного суверенитета – даже в составе Иракского Курдистана – вызывали сопротивление всех остальных политических субъектов региона. Это касается в равной степени как внешних игроков (прежде всего Турции), так и внутренних (иракских арабов-суннитов и арабов-шиитов). Наконец, следует отдельно выделить фактор США (релевантный рассматриваемому историческому моменту) как своего рода «модератора» и региональных, и внутрииракских противоречий. С одной стороны, можно утверждать, что позиция официальных американских представителей имела решающее значение, но с другой стороны, в то же самое время необходимо иметь в виду, что сама эта позиция была крайне несвободной в том смысле, что была обусловлена интересами самых разных политических сил, более того – самой необходимостью сведения всех этих противоречащих друг другу интересов к некоему единому знаменателю. Как бы то ни было, в лице своих ближайших союзников по борьбе против тирании С. Хусейна курды получили ответ международного сообщества на свои чаяния об обретении независимости.

В конечном итоге представляется необходимым зафиксировать, что, несмотря на деятельное отстаивание курдами их прав в означенный период, макси-

мально полная реализация их притязаний оказалась невозможной. Так, им удалось добиться того, что статус их автономии (их автономный статус) был зафиксирован юридически, но что речь при этом шла о фиксации тех прав и положений, что к тому моменту ими де-факто уже были завоеваны. В противоположность этому ни дальнейшее «углубление» автономного статуса Иракского Курдистана, ни территориальное его расширение достигнуты не были. Особое внимание данный факт заслуживает ввиду того, что вторжение США в Ирак представлялось, с точки зрения обретения курдами свободы, обстоятельством исключительно благоприятным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов С. М.* Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.) / С. М. Иванов. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – 86 с.

2. ٢٠٠٩ ل ٢٠١٣ (تقسيم، دكتاتوريه، ديموقراطية) ماجد شير، بغداد - ٢٠٠٩ ل ٢٠١٣، عراق المستقبل،

*Воронежский государственный университет
Шакле С. С., аспирант
E-mail: shakle@inbox.ru*

3. *Жигалина О. И.* Борьба иракских курдов за широкую автономию и роль США / О. И. Жигалина // Современный исламский Восток и страны Запада. – М., 2004. – 193 с.

4. *Вертяев К. В.* Курдский национализм : история и современность / К. В. Вертяев, С. М. Иванов. – М. : ЛЕНАНД, 2018. – 352 с.

5. *Filkins D.* Iraqi Kurdish Leaders Resist as the U.S. Presses Them to Moderate Their Demands / D. Filkins // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2004/02/21/world/iraqi-kurdish-leaders-resist-as-the-us-presses-them-to-moderate-their-demands.html> (date of request: 16.11.2019).

6. *Мгои Ш. Х.* Курдский фактор (современное состояние и перспективы) / Ш. Х. Мгои // Курдский вопрос на рубеже тысячелетий (круглый стол 19.02.2004). – М., 2004. – 121 с.

7. Resolution 1546 (2004) // United Nation. – URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1546\(2004\)](https://undocs.org/en/S/RES/1546(2004)) (date of request: 16.11.2019).

8. بەلگەنامە ئەمەریکیەکاندا، گۆران ئیبراھیم سألەح، ھەولێر ٢٠١٠. دۆزی کورد لە

*Voronezh State University
Shakle S. S., Post-graduate Student
E-mail: shakle@inbox.ru*